

# Сладкая доля

Моя бабуся всегда энергична, полна сил и никогда не теряет присутствия духа

**МОЯ БАБУШКА – необыкновенный человек. Именно так, и никак иначе. Ей восемьдесят восемь, а она не только в здравом уме и трезвой памяти, но и ежедневно мотается по рынку, готовит нам вкуснейшие обеды и даже подметает полы. Стирать перестала всего лишь несколько лет назад.**

Я ни разу не видела бабушку растрепанной или в измятом платье, не помню ее в слезах, и даже в сильном гневе голос ее ровен и спокоен, а спина – пряма и несгибаема. Бабушка пережила войну, вырастила троих детей, у нее уже шесть внуков и три правнука. Одного ее сына и дочери уже нет на свете, а она вот живет нам на радость. И, дай бог, еще протянет. Строго говоря, она не бабушка мне, а прабабушка, ее старшая внучка Анна – моя мама. Но я зову ее бабусей, и она любит меня, кажется, больше всех остальных.

Несмотря на преклонный возраст, бабуся всегда энергична, полна сил и никогда не теряет присутствия духа. Любимое выражение ее – «ничего страшного». Именно так она сказала в тот день, когда пришло ей извещение.

Я тогда вернулась из института раньше обычного и застала маму заплаканной. Бабуся сидела на диване, выпрямившись, сложив руки на коленях, что бывало очень редко, руки ее всегда заняты – если не вязанием, так шитьем, если не готовкой, то утюжкой. Но в этот раз именно эти сложенные на коленях узловатые руки испугали меня.

– Баби! Что случилось? – спросила я с порога.  
– Ничего страшного, Сонюшка, – как всегда, ответила бабуся.

– Повестка пришла, – все еще дрожащим голосом объяснила мама.

Мама у меня – большая трусиха. Она делает проблему из ничего и умудряется споткнуться на ровном месте. Даже удивительно, как она умудрилась жизнь прожить, двоих детей родить... Впрочем, с бабусиной помощью – а живет прабабка с нами – горы свернуть можно. А вот я, как говорят все в семье, больше похожа на бабуся, чем и горжусь немаю.

Выяснилось, что повестка эта – всего лишь извещение, вызов в учреждение с грозной аббревиатурой МВД. Дело все в том, что прадед мой, бабусин муж, – репрессированный. Несколько лет назад, когда начались пересмотры всех этих сталинских «дел», мама тайком куда-то писала, в какие-то не те архивы, не то комитеты, прося о реабилитации Валуева Сергея Михайловича, осужденного по статье 58, параграф не помню какой, в 1941 году. Тайком – потому что бабуся запретила ей делать это. И теперь, видимо, у этих «архивов» руки-таки до прадеда дошли.

Я сразу оценила ситуацию. Явиться по извещению нужно бабусе. А она идти отказывается. Да еще и маме выговаривает – зачем, мол? Вот хоть убейте, не понимаю, отчего прабабка так против реабилитации мужа. Ведь каждому ясно, что сидел, как и тысячи тогда, без вины. А она – не ходите, не пишите, все равно человека не вернуть, а тратить его память не позволю. Я бабуся люблю, но скрывать же у нее упрямства! Наши с мамой уговоры ей как мертвому припарки. «Не пойду» – и все тут. И только когда я заявила, что приду туда сама и скажу: мол, не в уме бабка, я за нее, – бабуся неожиданно согласилась. Посмотрела на меня особенным своим взглядом – аж мурашки по коже, – но спорить не стала. Кивнула величественно и ушла на кухню. Загрела посудой, и вскоре донесла до нас запах булочки с корицей. Все ясно – переживает бабуся. Она, когда чем-то расстроена, всегда эти булочки печет.

– Сонюшка, – робко попросила меня мама, – иди завтра с ней. Мало ли что...

Я кивнула. Действительно, мало ли что. Разволнуется или еще что – возраст ведь. У меня завтра первые три пары – лекции, пропущу, не впервой...

Ночью я долго не могла уснуть, ворочалась. Всплывали обрывочные детские воспоминания, пересуды соседок, мамин рассказы. Прабабушка моя, Галина Александровна – женщина судьбы обычной для того времени. Она – ровесница революции, как модно было тогда говорить. Ну, и крестница ее, не без того. Коренная москвичка, рабочая косточка, дочка слесаря, вышла замуж в тридцать шестом, да так удачно – молодой преподаватель Сергей Валуев не только любил ее без памяти, но и подавал надежды в научном плане, собрался защищать диссертацию. Живи да радуйся... Они и радовались, пока Сергея не арестовали – перед самой войной. Бабка осталась с тремя детьми на руках, а через три месяца – уже военной дорогой – их выслали в эту вот зауральскую глухомань. Всю жизнь Галина проработала медсестрой, детей на ноги поставила и каждому из троих высшее образование дала, потом внуков нянчить помогала...

Что говорить – такие вот скучные строки автобиографии может написать о себе едва ли не каждая женщина, жившая в середине двадцатого века в большой стране, которая за век этот дважды меняла свое название. Впрочем, как ни назови страну, смысл от этого не меняется. И за привычным обликом невысокой сморщенной старушки часто слышится мне... скажешь – поступь истории, так слишком пафосно будет.

Но о пафосе я не думала, провозжая бабуся ранним майским утром на тенистую улицу со скромным названием Травяная. Адрес, указанный в извещении, знали в нашем городе все, кроме разве что грудных младенцев. Правда, произносили по-разному: молодежь – привычной скороговоркой, как любой другой адрес, а те, кто постарше, – оглядываясь по привычке и вжимая голову в плечи.

Бабушка – маленькая и сухонькая, в скромном темно-синем платье и белом платке – бодрым колоколом катилась по улице. Я порой с трудом за ней поспевала. Мы подошли к двухэтажному зданию в глубине двора, и я потянула на себя тяжелую дубовую дверь, пропуская бабушку вперед. Внутри было прохладно и пусто, солнечные пятна лежали на ступеньках лестницы. Я трогала пальцами дерево перил и думала о том, что, несмотря на пугающее название, здесь довольно-таки уютно. Возле нужной нам двери никакой очереди не было. Мне вообще казалось, что во всем этом большом доме мы – одни, ни души кругом, ни часового с винтовкой, как почему-то представлялось мне, ни строгих людей в форме... Фу-ты, господи, книжеч, что ли, старых начиталась?

Бабуся остановилась перед дверью и покачала головой.

– Не пойду я. Давай-ка, дорогая, обратно...

– Не дури, баб... – шепотом возмущилась я. – Иначе я одна пойду...

Мне показалось на мгновение, что у нее дрогнули уголки губ. В полутьме коридора казалась она очень бледной и какой-то непривычно растерянной. Я реши-



тельно постучала и после короткого «да-да» дернула на себя ручку двери.

Ничего такого страшного в этой комнате не было. Стол, четыре стула, молодецкий лейтенант, согнувшийся над кипой бумаг. Да, я умею разбирать воинские звания, меня брат научил. Он оказался даже живя, этот человек в форме – встал при нашем появлении, предложил сесть и только после этого осторожно вынул из папьев бабки слегка помятое извещение. А я отошла к окну. Здесь – не мое дело. Пока лейтенант рылся в толстой папке, я пристально смотрела на бабуся. Она сидела с таким суровым видом, что на минутку мне показалось – сейчас начнет отчитывать этого молоденького парня, как нашкодившего мальчишку. Губы ее беззвучно шевелились, а взгляд был неподвижен.

Лейтенант нашел наконец нужный листок, вынул его из папки, несколько секунд вчитывался в него, словно буквы не мог различить. Потом поднял глаза на бабуся:

– Сергей Михайлович Валуев, – спросил он, – 1912 года рождения?

– Да, – строго сказала бабушка.

– Место жительства до применения репрессии – Москва?

– Да, – сказала бабушка.

Лейтенант спрашивал ее о чем-то еще, называл какие-то статьи и пункты указов – я не слушала. Отвела взгляд в окно и задумалась – до оцепенения. Солнечные лучи метались по полу, воробы за стеклом дрались за хлебную корку. Я рассматривала эту комнату и пыталась представить – себя в ней, арестованную. Вот если бы я тогда... А потом украдкой скрестила пальцы – пронеси, господи, избавь меня от такой участи.

Лейтенант вытнул из ящика стола какие-то бумаги и заполненную квитанцию. Потом откашлялся, встал и одернул форму. И, словно робот, четко, официально и равнодушно проговорил:

– На основании статьи третьей закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 1991 г. Валуев Сергей Михайлович, осужденный пятого мая тысяча девятьсот сорок первого года, мера наказания – расстрел, реабилитирован.

Я вздрогнула и, вынырнув из потока мыслей, посмотрела на бабуся. Лицо ее было совершенно белым, и я рванулась к ней, выдирая из кармана джинсов валидол. Лейтенант меж тем говорил что-то о какой-то компенсации, называя сумму и протягивал бабусе квитанцию, бумагу, еще что-то...

– ... Вы можете получить деньги в комнате номер три по этому ордеру...

– Компенсация, – странным, не своим, мертвым голосом сказала бабуся. – Компенсация...

Она взяла из рук лейтенанта квитанцию и пару секунд сжимала ее в ладонях. Потом отстранила меня, снова повторила, уже громче:

– Компенсация...

Резким, размахистым движением разорвала она квитанцию и кинула ее на стол. Сказала почти беззвучно:

– Сволочи...

И, не замечая меня, пошла к выходу. Я кинулась за ней, отдирая зубами крышечку от флакона с валиолом. Но, вылетая из двери, успела услышать, как грохнул по столу лейтенант и яростно заорал:

– Да, вашу мать, я-то здесь при чем?! Меня тогда на свете не было!

«Зело парня – видно, не впервой ему такое говорят», – отчего-то с сожалением подумала я машинально, сбежав по лестнице. Догнала я бабуся только у выхода.

Мы шли молча, и я едва успевала за быстрыми бабушкиными шагами. Через пару кварталов я взмолилась:

– Баб, давай посидим. Жарко же...

Бабуся глубоко вздохнула и замедлила шаг. Оглядевшись, словно впервые видела эту заросшую тополями улицу. А потом посмотрела на меня и тихо-тихо попросила:

– Сонюшка... давай в церковь зайдем, а?

Я едва не упала там же, где и шла. Прабабушка моя – атеистка-безбожница – с Создателем была в отношениях очень сложных. Она, конечно, признавала, что «есть где-то что-то», но до нормальной веры этому было, как до Луны. Никогда не молилась, слова «О Боже!» произносила в минуты сильных переживаний исключительно как фразеологизм и всегда полагалась только на собственные силы. И вдруг – нате вам. Я взяла ее под руку, прижалась к ней – маленькой, сморщенной. Сказала так же тихо:

– Пойдем, ба...

А когда купол с золоченым крестом укрыл нас от солнца своей прохладной тенью, бабушка вдруг задержала меня.

– Погоди-ка... Давай-ка посидим вот тут, я тебе что скажу...

Я послушно усидела ее на скамью недалеко от входа. Она долго шевелила губами, словно не решаясь, словно не зная, с чего начать. А потом зашептала – так тихо, что я наклонилась к самым ее губам, чтобы разобрать...

– Поженились мы... в тридцать шестом. Хорошо жили, хоть и бедно. Наденька родилась... А в тридцать девятом его арестовали...

«Его – это прадеда», – догадалась я. Наденькой была моя, ныне покойная уже, бабка.

– Арестовали... а потом выпустили – прямо через три месяца. Тогда такое редкость было – даже если не виноват, все равно назад дороги не было. А Сережу выпустили. И жить стали мы лучше... ему доплачивали за что-то – говорил, на кафедре полставки взял дополнительно, вещи мы новые стали покупать. Защитился, степень получил. Коленка родился, потом Алешка. А в сорок первом, в марте месяце, снова забрали. Алешке тогда два месяца было. У них в институте скандал случился, профессор один... шпионом оказался. Сережин научный руководитель... завкафедрой или как там у них. Я думала – по этому делу и Сережу притянули. Там полкафедры попересажали... В июне его расстреляли... восемнадцатого. Кабы не дети – руки бы на себя наложил, так я любила его... и сейчас люблю...

Бабушка замолчала, но я не смела торопить ее. Глядела, потрясенная, – по щекам ее, впадым, морщинистым, впервые на моей памяти текли слезы.

– А потом, уже при Хрущеве, здесь мне знакомый наш встретился московский, Пантелей. Сережин друг, работал с ним вместе. Он мне и рассказал.

Она опять замолчала, передыхая.

– Сережа мой тогда... когда первый раз его взяла... В общем, его потому выпустили, что он доносчиком стать согласился. Как тогда говорили – осведомителем. Об этом один Пантелей знал, никто больше... кроме них. То ли убедили его, то ли... уломали... не знаю. А может, испугался за нас... за меня, за Наденьку. Так два года и работал на них. А потом, когда заставили его на профессора донос написать, – отказался. Пантелей мне тогда сказал: «Есть предел человеческой подлости». Профессор-то, Павел Иванович, Сереженьке много добраго сделал – и с диссертацией помогал, и потом. Сережа на него едва не молилась. Вот и...

Бабушка посмотрела на меня.

– Никому не говорила об этом. И против всяких реабилитаций была. Мужа мне этими справками не вернуть, а если б вскрылось все... зачем вам такая память? И тебе бы не сказала, да, чую, умирать мне скоро. Прости ты меня, Сонюшка... Тебе решать теперь, тебе судить. А лучше – не суди. Не суди. Не понять вам, не увидите, как мы тогда жили...

Голос ее прервался.

Я схватила бабушкины ладони и стала покрывать их поцелуями. Она сидела все такая же – прямая и строгая. А потом сказала:

– Иди теперь... Домой иди. А я зайду... Помолюсь за него, окаянного, любимого. Некрещеная я, ну да Богу все равно – услышит, должен услышать. А ты иди...

Она встала и, не оглядываясь, пошла к церкви. Я а сидела на скамейке и смотрела ей вслед.

Она будет рассказывать Богу о своем муже. А я подожду ее. Пусть это будет даже очень долго. Впрочем, вряд ли долго – Бог поймет ее, должен понять с полуслова. Иначе где взять ей силы? ☺

АЛИНА ЧИНОЧИНА

> ПОЭЗИЯ

## «От ответа к ответу – сомнения...»

**СЕРГЕЙ БРЫКОВ, студент факультета экономики и права МГТУ им. Г. И. Носова. Стихи пишет с 16 лет. Перед вами первая публикация стихов Сергея – его литературный дебют.**

\*\*\*  
*Любить – не обдумывать дважды,  
Только сказанное вскользь – важно.*

*Горы, неба коснувшись, дышат,  
Только то, что прекрасно – выше.*

*Нас спасет в этом мире нежность,  
Только в капле мгновения – вечность.*

*Мимолетные мысли легки,  
Только то, что на сердце, – стихи.*

### Academia

*Пусть великое будет неназванным,  
Кульминацией речи – молчание,  
Равнодушие будет наказано,  
В каждой мысли – любовь и страдание,  
Напряженность и поиск – в несказанном,  
В совокупности все это – знание.*

*Пусть ошибки не будут напрасными,  
И из пепла идей между урнами  
К жестой розе прибавится красная,  
Тишине быть предчувствием бурного,  
Из стремлений сильней всех – в несказанном,  
Из начал самым главным – культурное.*

*Пусть в основе гигантского – малое,  
От ответа к ответу – сомнения,  
Не доля на «сейчас» и на «старое»  
И смехнув паутину забвения,  
Между сводами – вьвьсь, между залами  
Пронесется: «Vivat Academia!»*

\*\*\*  
*Последний час весны. Тепло и сухо.  
Огромный город, уходящий в ночь.  
Мелодия слегка коснется слуха  
И тут же тенью ускользает прочь.*

*Они домов, витрин, большой рекламы.  
Фонтан с подсветкой. Дальний шум машин.  
Обрывок не законченной драмы  
Скрывает воздуха помятый крепдешин.*

*Живу я, от нежности сердце очистив,  
Как осенью сад очищают от листьев,  
Из повести дней вырывая страницы,  
Забыв о друзьях, перепутав их лица.  
Боюсь, что когда-нибудь я не смогу  
Заметить монетки льны на снегу,  
Боюсь, что в клиентке уже не сумею  
Увидеть еще и прекрасную фею.  
Боюсь, что пройду мимо ярких картин,  
Боюсь не бояться, что буду один.  
Боюсь, что пустое пространство квартиры  
Прожжет в моем мнимом спокойствии дыры.  
Боюсь, что уже никогда не скажу  
Того, что я чувствую, чем я быщу.  
Боюсь, что поток непрерывных событий  
Уже из щеры не позволит мне выйти.*

### Ностальгия

*Незнакомый квартал из проема  
Не закрытого на ночь окна.  
Дальний образ, лишающий сна:  
Силуэт на веранде у дома.*

*Столько лет... Но со мной все – равно  
Голоса, столько я вот не с ними.  
Кто-то падает замертво в Риме,  
Но допив из бокала вино.*

*И теперь уж не так далеки  
От меня эти милые тени.  
И последний оставшийся сеней  
Где-то пишет печально стихи.*

### Фильмы

*Кустурица. Хейфиц. Феллини.  
Лишенные всякой надежды  
Непочтены коды мира,  
Того, где смывают маршину  
И рвут дорожке одежки  
Герои сердец и эфира.*

*Где хочется плакать, но слезы,  
Как данное Богом прощенье,  
Прошедшее мимо просящих,  
Не падают. Дятля нарковзы  
Желающих видеть спасенье  
В придуманной жизни. И связных*

*В реальности – серой и скучной,  
Ко сну прибавляющей «вещицы»,  
Отвергшей иллюзию чуда.  
Где из не ручной, но подручной  
Матери лягутся вещи,  
И схожи любовь и простуда.*

*Рутиня не советует рутину,  
До выдумки явь не дозреть –  
Всех тянет к экрану, в экраны –  
Им там обещали причину  
Того, что причин не имеет.  
Тарковский. Ханжонков. Китано.*

\*\*\*  
*Спокойствие необъяснимо,  
Как если бы всего достиг,  
Как будто все понято, зримо,  
Как будто я уже старик.*

*Как если б штрих – последний, точный  
Уже проставлен на холсте,  
Как будто тихий сон полночный  
Уже блуждает в пустоте.*

*Как если бы проплыли мимо  
Мерцания дальних городов.  
Спокойствие необъяснимо,  
Как смерть или рождение слов.*

*Безлюдны парки. Улицы знакомой  
Уводит в пустоту крутой изгиб.  
Луна летит ракушкой невесомой,  
И проплывают мимо стаи рыб.*

*Так пахнут распустившиеся сиренью  
Наши старые дворы!  
И холод предан вечному забвению,  
И содлались все правила стары.*

*Мир – сто дорог. Чего мы так боимся?  
Когда закончат время свой отсчет,  
Продлится жизнь. И мы опять продлимся,  
Вновь ничего не зная наперед.*

> В своей жизни человек играет лишь небольшой эпизод. Станислав Ежи Лец